

Дамы и господа, друзья.

Я пригласил вас сегодня вместе с Консультативным советом и Эстонским обществом сотрудничества, чтобы поговорить о том, что должны предпринять граждане Эстонии, правительство и парламент для содержания своего государства и через 20, и через 30 лет. Когда рабочих рук, как предполагается, будет меньше, а иждивенцев – больше.

Эта важная тема никуда не исчезнет. И все же я начну с другого. Потому что у нас, образно говоря, может быть хорошо построенный и ресурсосберегающий дом в хорошем месте – автобусная остановка и банкомат через дорогу, магазин, школа и работа в трех минутах на велосипеде, но если в доме нет воздуха, если все преет или даже воняет, то мы там жить не захотим.

То есть, если мы говорим о государственной машине, о ее болтах и гайках, а также о деньгах как о смазке, которая позволяет этой машине работать эффективно и без перебоев, то у этой машины, помимо всего прочего, есть и душа. А мы должны хорошо знать из классики: и о душе надо заботиться. В том числе о душе государства и народа.

То, свидетелями чего мы были в течение последнего полугодия, а на самом деле почти все последнее десятилетие, означает, что мы забыли о душе своего государства. Мы, наверное, решили, что процесс реализации демократии, который создатели нашей Конституции запустили 20 лет назад, полностью сформирован или, по крайней мере, является святыней, которую можно изменить только в самых крайних обстоятельствах.

Я не думаю, что мы находимся сейчас в крайних обстоятельствах. Но достаточно ясно и то, что серьезная ревизия нашего избирательного порядка, а также механизмов функционирования партий вовсе не повредит. Мир меняется, меняются наши требования и потребности.

Здоровьем свободы и демократии в Эстонии необходимо заниматься и тогда, когда внимание общества нацелено на другое. Будь то зарплаты врачей, рост цен или кризис в

зоне евро. Деньги и их количество хоть и важны в жизни каждого из нас, но не они определяют, как будут в дальнейшем справляться с проблемами государство и общество.

Кайдо Кама некоторое время назад в одном из телеинтервью сказал очень точно: тогда, т. е. 20 лет назад, люди шли не в политику. Люди шли строить государство.

Они делали это по зову сердца. Из чувства миссии. Они несли свои идеалы. Их вдохновляло большое желание восстановить свое государство. Их подгоняло все то, что эстонский народ не мог сделать в течение пятидесяти лет, сдерживаемый чужой властью.

Эстонское государство начали строить наши лучшие мужчины и женщины, а зачастую даже юноши и девушки. И это как раз делает отношение многих из нас к своему государству иным, чем в других местах. Почти все жители Эстонии в возрасте 35 лет и старше стояли у истоков рождения нашего собственного государства, свободы и демократии, являясь его создателями и первыми строителями.

Это было наше счастье, оно делает нас сопричастными. Но это накладывает и ответственность за то, чтобы никто ничего не нарушил. И мы обоснованно выражаем свою тревогу и обеспокоенность, когда кто-то начинает разрушать наше государство, отнимать его у нас.

Я считаю, что это чувство сопричастности является для нас уникальным. Маловероятно, чтобы в так называемых старых демократиях граждане настолько сильно ощущали, что государство и есть в прямом смысле слова плод их собственных дел и мыслей.

Сладкое чувство восстановления Эстонского государства и его построения собственными руками окрылило нас совершить то, что в сформировавшихся демократиях и бюрократиях натывается на стену политических расчетов, личных амбиций и противостояний.

Блага, интересы, зарплата и права – об этом поначалу в Эстонии думали мало. Это пришло несколько позже, вместе с болезненными решениями, выборами и противостояниями.

Тогда, когда стало ясно, что свое государство не сделает всех сразу и быстро богатыми и счастливыми. Это стало ясно, когда вместо общих больших целей появились более мелкие. И, наверное, когда начало казаться, что уже все сделано, т. е. что свое государство уже есть, и это бесповоротно.

Но вместе с этим стало ясно и то, что на самом деле отличает нас от тех зрелых демократий. Политическая культура, искусство договариваться.

Распознавание того, что основная суть демократии заключается во власти большинства для защиты меньшинства. Что единственная возможность выживания и развития Эстонии в том, чтобы быть открытыми и заботиться обо всех, кто живет в Эстонии, а также о тех, кто хочет сюда приехать.

С этим, мои дорогие друзья, столкнулись те молодые люди из Эстонии, которые учились в университетах других стран Европы. С этим столкнулись все те, кто делал карьеру или даже родился в другой стране, а теперь захотел вернуться в Эстонию.

У большинства из них нет непосредственного опыта восстановления Эстонского государства. Но зато они знают, как могли бы обстоять дела в государстве с нормально функционирующей демократией. Я рад, что и в Эстонии мы слышим их голос все яснее. И я озабочен тем, что к этому голосу слишком мало прислушиваются и под его влиянием мало меняют свое поведение.

Они не соглашались со многими вещами, которые сформировались здесь за 20 лет. Они видят, что вместо большой картины существует маленький четко обрамленный кадр. Все, что может его затуманить или – упаси боже – даже разбить, вызывает здесь слишком много страха, противостояния, отторжения и ухода в себя.

И вместе со страхом и психологически обоснованным инстинктом выживания ослабевает и воля к тому, чтобы что-то реализовать, сделать что-нибудь по-другому и более интересно, чтобы рискнуть. У нас появился страх перед переменами.

Мы должны преодолеть его и как хорошие хозяева своего государства работать во имя того, чтобы наше государство развивалось, а уровень жизни народа улучшался. Во имя того, чтобы здесь было хорошо жить максимальному числу людей.

Дорогие друзья.

Здесь я бы мысленно провел черту и перешел бы к теме, которую также необходимо обсудить вопреки всем нашим нынешним проблемам и вопросам.

У нас, наверное, нет другого выбора, чем честно посмотреть, на что мы способны, а на что нет. Мы должны сделать это с одной твердой и ясной целью – чтобы здесь, в нашей Эстонии, можно было жить и справляться с проблемами и через 30 лет.

Есть вещи, которые мы делаем исключительно хорошо, несмотря на жалость к самим себе. Я никогда в жизни бы не поверил и не мечтал, чтобы, например, Европейский Союз и США воспринимали наши достижения в ИТ-сфере и э-управлении так серьезно.

Благодаря мудрости или, скорее, экономности, мы построили некоторые свои крупные системы таким образом, что по сравнению со многими другими развитыми странами мы тратим значительно меньше денег и времени.

В сфере государственной обороны мы уже нашли решения для НАТО – мы делаем там разумные вещи, посильные для нас с точки зрения наших умений и ресурсов, но другими вещами, например, патрулированием воздушного пространства, мы не занимаемся.

Для сравнения приведу Грецию. Если взять за основу численность населения, то у

Эстонии должна иметься военная авиация с 50 истребителями.

Но в каждой сфере такое разделение труда и распределение не работает.

Оптимальна ли наша система больниц? Является ли лучшим и устойчивым наше административное деление и организация жизни на местах в части предложения услуг своим гражданам? Является ли наш обычай перенимать у других, гораздо более крупных стран, модели организации жизни мудрым и устойчивым выбором, или мы могли бы сделать ставку на свои способности придумывать подходящие именно нам наиболее оптимальные решения?

Что мы должны сделать по-другому, чтобы Эстония не превратилась в национальный парк, как советовал один бывший банкир? Или мы должны сдаться, рассматривая это как неизбежность, и сделать все, чтобы это было максимально безболезненно?

Эти и многие другие вопросы мы должны обсуждать. Для этого и существуют такие собрания. Чтобы в Эстонии шла дискуссия, открытая и смелая. Чтобы осуждались различные пути и сценарии развития, а не шло соревнование по принципу «кто кого сделал».

У нас ведь на самом деле других особых возможностей и нет, потому что действующий демографический прогноз ничего светлого нам не обещает. По оценке Госконтроля, в 2030 году рабочих рук будет примерно на 100 000 меньше, чем сегодня. На каждого работающего человека, т. е. налогоплательщика, будет приходиться один иждивенец, т. е. ребенок, пенсионер или больной.

Конечно, пенсионный возраст можно поднять и поддерживать таким образом стабильную численность населения трудоспособного возраста, но это имеет смысл только в том случае, если пожилые люди будут здоровыми и активными, и если им можно предложить работу в соответствии с их умениями и способностями.

Ни один из серьезных статистиков или экономистов не будет делать прогнозов более,

чем на три-пять лет. Тем более в нынешней ситуации, когда исход кризиса в зоне евро и в более широком плане еще не известен.

И все же, чисто математически, мы можем утверждать, что если с рынка труда исчезнет 3% рабочих рук, а это прогнозируемый годовой результат в Эстонии, то для поддержания нынешнего уровня благосостояния оставшимся надо будет работать на 3% эффективнее. К сожалению, это касается доходов. Расходная же часть с ростом численности иждивенцев увеличивается. Поэтому нехватку приходится возмещать повышением эффективности, увеличением налогового бремени, займами или экономией средств.

Если мы, говоря о предприятии, достаточно хорошо представляем себе, как может выглядеть 3-процентный рост эффективности, то на самом деле с такой же задачей должно постоянно справляться и наше государство.

Давайте же обсудим возможности того, как без ухудшения качества жизни более эффективно содержать свое государство. Другого выбора у нас нет. Эти изменения нужны нам в ближайшие годы, и я очень рад, что Эстонский совет сотрудничества пообещал в ближайшее время направить свои усилия на эту работу и вынести на обсуждение свои предложения.

Дамы и господа.

В заключение еще один вопрос.

Если мы хотим, чтобы мы развивались как общество и государство, а мы, думаю, хотим этого, то нам не избежать определенных договоренностей в части стиля.

Я утверждаю, что у нас как у малого народа слишком мало возможностей, чтобы позволить себе определенное деструктивное поведение, которое в более крупных странах не вызывает особых проблем.

Если сказать в США или в Германии, но не в Финляндии, которая больше нас впятеро, что кто-то является полным идиотом, то это не вызовет серьезной проблемы. (Хотя в Конгрессе США, в котором 435 + 100 членов, это, смею утверждать, является проблемой уже почти 15 лет).

У нас же это вызывает целый клубок проблем. Как я уже сказал ранее: государство размером с половину Копенгагена справится, но мы иногда должны думать, что мы можем, а чего – нет. Насколько большая сеть посольств требуется половине Копенгагена? Может, у столицы Дании есть своя армия и пограничная охрана? Нет. А у нас есть.

Мы можем мечтать о собственной эстонской космической ракете, атомной подводной лодке или об организации Олимпийских игр, но мы отдаем себе отчет в том, что это невозможно.

То же самое относится и к нашему поведению в отношении других людей. Мы можем думать, что можем оскорблять друг друга, как это делается в политизированных радио- и телепередачах в США, но мы забываем, что там тебе никогда не придется садиться за один стол с тем, кого ты ругаешь, потому что твой ребенок ходит с его ребенком в один детский сад или школу.

Ангела Меркель дала на прошлой неделе совет Владимиру Путину. А именно, Путин обиделся, когда Меркель подняла тему Pussy Riot. И Меркель сказала: «Если бы я каждый раз обижалась, когда кто-нибудь говорит обо мне плохо, я не продержалась бы на должности канцлера и трех дней».

Политик должен быть «толстокожим».

Я не знаю, насколько это действительно в Эстонии. Не знаю, насколько на самом деле хорошо быть «толстокожим». Будет ли он понимать стихи, сможет ли написать эссе или даже прочитать статью, содержание которой хоть и разумное, но изложенные в ней позиции отличаются от его взглядов.

Некоторые обмены мнениями последнего времени в Эстонии позволили и нам добавить эпитеты к понятию демократии. По мнению некоторых, у нас немая демократия. Другие называют ее бранной и кричащей. Лично я предпочитаю обсуждающую демократию, при которой серьезные вопросы обсуждаются так, чтобы не опускаться до уровня площадной брани. Я больше не уверен на сто процентов, что в Эстонии это возможно. И в этом я хотел бы ошибаться. Думаю, сегодняшняя дискуссия даст этому эмпирическое подтверждение.